

Когда он уходил, дом уже превратился в полный хаос: и без того сломанный телевизор был окончательно уничтожен, а дворецкий невозмутимо наводил порядок.

Перед уходом Лян Цзинминь лишь холодно бросил:

— Закажи мне билет на самолет до Юэчэна на сегодня.

Однако в тот день Лян Цзинминь так и не смог улететь в Юэчэн.

Он уже добрался до аэропорта, но телефонный звонок заставил его вернуться домой.

Особняк семьи Лян утопал в мрачных темно-красных тонах. Это место было выстроено вокруг детства Лян Цзинминя, и теперь, в безбрежной ночи, он снова ощутил давно забытое удушье.

Когда он отпер дверь по отпечатку пальца, Лян Юйлинь сидел в гостиной и ковырялся в телефоне. Одетый в рубашку и брюки, он выглядел довольно аккуратно. Заметив вошедшего, он неторопливо поднялся на ноги и произнес:

— Братец.

Лян Юйлинь был сводным братом Лян Цзинминя, младше его всего на два года. Его мать переступила порог дома через три месяца после того, как скончалась мать Лян Цзинминя.

С детства он унаследовал от матери с виду сообразительное лицо, но, к сожалению, это были лишь мелкие хитрости, и раньше он даже не умел прятать свой хвост. Бывали времена, когда они жили мирно, но теперь их отношения испортились так, что об этом знали все вокруг.

Если в те времена, пока Лян Цзяньчжун еще был крепок здоровьем, они оба осмеливались вести лишь скрытую борьбу, причем Лян Цзинминь явно держал верх, то теперь, когда за последние два года Лян Юйлинь окреп крыльями, а Лян Цзяньчжун в начале года перенес инсульт и был прикован к постели, силы соперников сравнялись и между ними царило полное взаимное напряжение.

Взгляд Лян Цзинминя лишь легко, словно касание крыла стрекозы, скользнул по нему на мгновение, после чего он глухим голосом спросил:

— Как он?

Лян Юйлинь приподнял бровь:

— А как он может быть? Всё по-прежнему.

Судя по его тону, брови Лян Цзинминя тяжело сошлись на переносице.

В том звонке, что поступил ему ранее, голос Лян Юйлиня звучал невиданно нормально для последних лет, и если вслушаться, даже с нотками растерянности — он говорил, что состояние Лян Цзяньчжуна резко ухудшилось и врачи выдали уведомление о критическом состоянии. Лян Цзинминь немедленно позвонил лечащему врачу Лян Цзяньчжуна, но трубку снова взял Лян Юйлинь.

Тот притворялся настолько искусно, что обманул даже Лян Цзинминя.

Лян Юйлинь рассмеялся:

— Как же непросто встретиться с тобой, братец.

Слово братец прозвучало с особым нажимом, явно выказывая провокацию.

Получив звонок, Лян Цзинминь был вынужден три часа гнать машину через весь Сицзин, чтобы вернуться домой, хотя в этот самый вечер он должен был отыскать Чэн Цина и забрать его обратно.

На следующий день в десять тридцать у него была назначена встреча с компанией-партнером, а вечером — застолье. Из-за того, что Лян Юйлинь устроил этот спектакль сожжения сигнальных маяков, он сможет отправиться в путь самое раннее завтрашней поздней ночью.

Как у спасения людей существует так называемое золотое окно, так и в поисках пропавшей вещи действуют те же правила. Стоит Чэн Цину убежать далеко — и он уподобится тонкой иголке, упавшей на дно океана; хотя Лян Цзинминь не пожалел бы сил осушить море, выуживать его потом было бы слишком хлопотно.

Ему следовало догадаться раньше, что его водят за нос, но потеря Чэн Цина заставила его потерять голову и расплавиться от гнева, так что мысли путались. Перепрыгивая через две ступеньки за раз, он поднялся вверх в комнату Лян Цзяньчжуна и обнаружил, что тот действительно преспокойно и безмятежно спит среди груды медицинской аппаратуры.

Обернувшись, он увидел Лян Юйлиня: тот скрестил руки на груди и небрежно прислонился к косяку двери.

— Потерял что-то важное, братец? — улыбнулся Лян Юйлинь.

— Чего ты добиваешься? — спокойно спросил Лян Цзинминь. Странно: когда он сталкивался с Чэн Цингом, то часто терял контроль над собой, но в общении с другими людьми всегда умел превосходно сдерживать свои эмоции.

Вспомнив вчерашние допросы Чэн Цзина сквозь слезы, он внезапно во всём разобрался.

Лян Цзинминь был мастером доводить дела до крайности: если он не хотел, чтобы Чэн Цзин узнал о его помолвке, то Чэн Цзин ни за что бы об этом не узнал. И тем не менее это случилось — разумеется, потому, что кто-то намеренно вынес сор из избы прямо перед ним.

Сохраняя напускное спокойствие, Лян Цзинминь неспешной походкой вышел из палаты, даже слегка ослабил галстук и захлопнул за собой дверь.

Однако в ту же секунду он впился пальцами в горло Лян Юйлиня и с размаху впечатал его в стену.

Стена не пожелала выдерживать ярость Лян Цзинминя и издала глухой, жалобный глумливый звук, сбежавшийся на который привратник старого поместья замер вдали.

Лян Цзинминь процедил сквозь зубы тихий, полный ненависти вопрос:

— Это ты ему рассказал?

Вот почему в тот день Чэн Цзин был так ранен, так непреклонен и так решителен. Оказывается, во всем был виноват Лян Юйлинь. Оказывается, снова Лян Юйлинь. Глядя на своего младшего брата, Лян Цзинминь словно впервые видел его по-настоящему — как дикое поле, по которому бесчисленные разы хаживал в детстве, пока в один прекрасный день не огляделся по сторонам и не обнаружил, что там выросли ровные луга и густые заросли колючего терновника, в которых он до крови исколол ноги.

Увидев его вышедшего из себя и доведенного до ручки брата, уголки глаз Лян Юйлиня покраснели от возбуждения:

— Да. Сначала он отказывался верить, но я показал ему фотографии, и тогда он поверил хотя бы наполовину.

Он тихо добавил:

— Игра еще не окончена, братец. Посмотрим, кто проиграет, а кто выиграет.

Дыхание Лян Цзинминя резко участилось и стало тяжелым, словно он собирался ударить его кулаком, но в конце концов так и не решился пустить руки в ход.

Они оба были похожи на отца, поэтому даже при разных матерях было очевидно, что они братья. Сейчас, стоя друг напротив друга лицом к лицу, они напоминали облаченных в дорогие костюмы демонов, любующихся собой в зеркало.

Атмосфера накалилась до предела, несколько слуг с тревогой попытались подбежать и разнять их, но дворецкий остановил их издали.

— Куда он отправился? — Лян Цзинминь разжал пальцы.

На лице Лян Юйлиня, столь похожем на лицо Лян Цзинминя, расцвела ядовитая улыбка. Он неторопливо распрямил помятый воротник и, опустив взгляд, изогнул губы в ухмылке:

— Откуда мне знать? Я просто передал ему весть. В конце концов, мы с директором Чэном тоже считаемся старыми друзьями, верно?

Он развел руками и снова произнес:

— Лян Цзинминь, в конечном счете ты слишком жаден. В доме уже кто-то прячется, а ты хочешь жениться еще раз на стороне? В этом мире не бывает такого счастья.

— Ты знаешь причину лучше меня. — Доведенный до крайности гневом, Лян Цзинминь выплюнул эти слова едва ли не сквозь зубы.

И ведь мастер же притворяться! С этой мыслью, кружащейся в голове, Лян Цзинминь с грохотом захлопнул за собой дверь и ушел.

Лян Цзинминь мчался по шоссе на безумной скорости, словно темная молния, рассекающая опасный мрак ночи. На мгновение у него промелькнул импульс бросить все текущие дела и сорваться в Юэчэн.

Каждая секунда, пока Чэн Цзин находился вне поля его зрения, рождала в нем жуткое ощущение схода с рельсов и потери контроля. Тем более теперь, когда в дело вмешался Лян Юйлинь: сложность ситуации явно вышла на совершенно новый уровень. Впрочем, если бы Лян Юйлинь так истово не старался портить ему жизнь, возможно, их пути с Чэн Цзином никогда бы и не пересеклись.

<http://bllate.org/book/27751/3367621>